

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 2

ЯНТАРНЫЙ РЕВАНШ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Янтарный реванш

«Автор»

2026

Карадениз М.

Янтарный реванш / М. Карадениз — «Автор», 2026

Ленинград, 1942 год. Блокада сжимает город, а в Эрмитаже начинают исчезать ценности. Лейтенант НКВД Алексей Ухтомский, уже знакомый с тёмными тайнами музейных фондов, получает новое задание — разобраться в судьбе Янтарной комнаты, вывезенной немцами из Царского Села. След ведёт в Кёнигсберг, где под руинами Королевского замка скрываются секреты, способные уничтожить репутации высокопоставленных чиновников. Ухтомский оказывается между двух огней: ему мешают не только немцы, но и свои — генерал Глухов, готовый на всё, чтобы правда не всплыла. Чтобы выжить и найти легендарный янтарь, лейтенанту придётся пройти через фронт, послевоенный Кёнигсберг и банковские ячейки Стокгольма. Вопрос только в том, кто окажется быстрее — он или те, кто замечает следы.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «Подвал на Литейном»	5
ЧАСТЬ I. «ПРУССКИЙ СЛЕД»	8
Глава 1. «Полковничий конверт»	8
Глава 2. «Братская могила на Пискарёвке»	11
Глава 3. «Фотография в сейфе»	14
Глава 4. «Поезд на восток»	17
Глава 5. «Кёнигсберг, а	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мурат Карадениз

Янтарный реванш

ПРОЛОГ. «Подвал на Литейном»

Время: 15 января 1942 года, 02:00

Место: Ленинград, Литейный проспект, подвальное помещение бывшего ювелирного магазина

Блокада | Алексей Ухтомский

Записку подсунули под дверь кабинета.

Алексей нашёл её в шесть вечера, вернувшись с обеда — баланды из столярного клея и стакана кипятка. Бумага была вырвана из школьной тетради, почерк торопливый, карандашный: *«Янтарь из Царского Села уходит в Кёнигсберг. Сегодня ночью. Подвал на Литейном, дом 17. Вход со двора. Если хотите правду — приходите. Один».*

Он не спал восемь часов. Разрывался между долгом — доложить начальству — и чутьём, которое кричало: *не смей*. Начальство (новое, ставленник Глухова) приказало забыть про янтарь, про фарфор, про всех, кто умер. «Ваше дело — хлеб и патроны, Ухтомский. Не геройствуйте».

Он не послушался.

В час ночи Алексей вышел из общежития на Литейном, застегнул шинель на все пуговицы, проверил наган. Под подошвой скрипел снег — мороз под тридцать, ветер с Невы резал лицо, как бритва. Город спал тяжёлым, голодным сном. Ни фонарей, ни окон. Только редкие патрули, которые он обходил дворами.

Дом 17 оказался старым, с облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами. До революции здесь был ювелирный магазин. После — склад. Алексей нашёл вход со двора — железную дверь, присыпанную снегом, с петлями, которые не закрывались.

Внутри пахло холодом, пылью и кровью.

Он достал фонарь, щёлкнул. Тусклый луч упёрся в кирпичные стены, бетонные своды, груды ящиков у дальней стены. Керосиновая лампа на полу горела вполнакала — её оставили те, кто был здесь до него.

— Эй! — крикнул Алексей.

Тишина. Только капала вода где-то за стеной.

Он двинулся к ящикам. Было их шесть — деревянных, с маркировкой, выжженной на крышках: **«Königsberg. 1941. Zerbrechlich»** — хрупкое, Кёнигсберг. Алексей поддел крышку лопаткой, заглянул внутрь.

Фонарь выхватил из темноты сначала солому. Потом блеск — тёплый, янтарный, живой.

Он вытащил одну пластину.

Мозаика. Янтарное панно размером с ладонь — филигранная работа, кусочек стены, которую он видел в Екатерининском дворце до войны. Тогда, в сороковом, он стоял в Янтарной комнате и не мог отвести глаз. Сотни оттенков — от медового до тёмно-вишнёвого. Солнце в дереве, застывшая музыка.

Теперь этот кусок лежал в его руке, холодный, шершавый.

Алексей перевернул панно. На обороте, на деревянной основе, кто-то выжег клеймо. Меч. Тот самый. Который он видел на шее Кедрина, на фарфоровых тарелках, на руке хозяина подвала с Мальцевского рынка.

— Чёрт, — прошептал он.

Рука потянулась к нагану. Слишком поздно.

Сзади скрипнула дверь.

— Руки вверх, лейтенант. Не дёргайтесь.

Двое. В форме без знаков отличия, лица скрыты шарфами. У одного — пистолет, у второго — нож. Тот, что с ножом, стоял ближе, тот, что с пистолетом, — у выхода.

Не профессионалы? Профессионалы. Алексей узнал стойку — фронтовая, руки не дрожат. Дезертиры? Или люди Глухова.

— Положите панно, — сказал первый. — Медленно.

— Вы знаете, что это? — спросил Алексей, не выпуская янтарь.

— Не твоё дело, лейтенант. Наше.

— Чьё «наше»?

Первый шагнул ближе. Нож блеснул.

— Роде ждёт. Не задерживай.

Алексей взвесил шансы. Один против двоих. Пистолет в кармане — выхватить не успеет. Единственный выход — свет.

Он резко щёлкнул фонарём, направив луч в лицо тому, что с пистолетом. Парень зажмурился, рука дёрнулась. Выстрел ушёл в потолок.

Алексей рванул в сторону, за ящики. Второй — с ножом — бросился следом. Лезвие просвистело в сантиметре от уха, распоров воротник шинели.

— Стоять! — заорал первый, пытаясь прицелиться в темноте.

Алексей выхватил наган. Выстрелил дважды — вверх, в сторону, только чтобы сбить прицел. Потом ещё раз — в лампу. Керосин разлился, вспыхнул. Подвал озарился жёлтым пламенем.

— Уходим! — крикнул тот, что с пистолетом.

— Ящики забираем!

— К чёрту ящики! Горит всё!

Они рванули к выходу. Алексей выстрелил вдогонку — пуля срикошетила от косяка. Матерщина, топот, лязг железа. И тишина.

Дверь хлопнула.

Пламя перекинулось на солому. Алексей подскочил к ящикам, вытащил два панно, сунул в вещмешок. Третье, четвёртое — не успевал. Взял одно, самое маленькое, отломил кусок — рука не дрогнула.

Янтарь хрустнул, но не рассыпался.

Он выбежал во двор, бросил вещмешок в сугроб, затушил тлевший воротник. За спиной гудело пламя, из подвала валил чёрный дым.

В переулке — никого.

Алексей перевёл дыхание, достал кусок янтаря. Тёплый на морозе, неестественно тёплый. На обломке — край клейма. Меч.

Он убрал янтарь во внутренний карман.

Вернулся во двор. Сзади, у железной двери, он заметил тёмное пятно на снегу. Подошёл. Тело.

Мужчина лет пятидесяти, в рабочей телогрейке, лежал ничком. Алексей перевернул — лицо синее, глаза открыты, рот раззявлен. Языка нет.

Вырезан. Аккуратно, почти хирургически. Тот же почерк, что у Гольдштейна. Тот же.

Алексей опустился на корточки.

Крови было мало — замёрзла сразу. Убит давно, ещё до его прихода. Пальцы скрючены, в снегу — следы борьбы.

Но главное — рядом с телом, на замороженной земле, грузчик успел что-то нацарапать. Палочкой, ногтем, последним усилием. Буквы подрагивали, но были читаемы.

«Königsberg. Роде. Свой»

Алексей выпрямился.

Кёнигсберг. Роде. Свой.

Немец. Хранитель Янтарной комнаты. Предатель среди своих.

Или всё сложнее.

Он обыскал карманы грузчика. Пусто — только пустой кошелек и сломанные часы. На руке — татуировка. Не меч. Простая точка, грубая наколка.

Знак, который он видел раньше? Нет.

Где-то за домами завывала пожарная сирена. Огонь в подвале разгорелся, дым валил из окон. Скоро приедут, начнут разбирать.

Алексей спрятал янтарь на дно вещмешка, засыпал снегом, затянул горловину.

Уходить. Скорее.

Он зашагал в сторону Невы, стараясь не оставлять следов. На перекрестке остановился, оглянулся.

Пожарные уже были у дома 17. Кто-то в форме командовал, кто-то таскал шланги. В отсветах пламени мелькнула фигура в шинели — не пожарный, не солдат.

Следил.

Алексей свернул во дворы, сделал крюк. Фигура не отставала. Тогда он вытащил наган, зарядил последние три патрона, стал за угол.

— Выходи. Стрелять буду.

Тишина. Потом шаги, шорох шинели.

Из-за угла вышел Ветров.

Старый смотритель Эрмитажа, пьяница, трус. Тот, кто видел, как Забелина открывала дверь убийце Кедрина. Тот, кого Алексей прятал в надёжном месте.

— Ты? — Алексей опустил наган. — Как ты здесь?

— За вами шёл, товарищ лейтенант, — Ветров трясся, но не от холода. — Думал, убьют.

Как тех.

— Почему не предупредил?

— Не знал, что они будут. Боялся. — Он посмотрел на пожар, на дым. — Вы нашли янтарь?

— Нашёл. Часть.

— Роде знает. Он всё знает. Он — это «свой».

— Немец?

— Я не знаю. Но тот грузчик... я его знал. Он работал в Эрмитаже, возил ящики. Сказал мне перед смертью: «Скажите Ухтомскому — ищите в Кёнигсберге. Роде не главный. За ним кто-то стоит».

— Глухов?

— Не знаю.

Алексей сунул наган в карман.

— Возвращайтесь в укрытие. И чтобы никто не знал, что вы здесь были.

— А вы?

— Я поеду в Кёнигсберг. Когда кончится война.

— Долго ждать.

— Подожду.

Пожар догорал. Ветер разносил пепел по Литейному.

Алексей ушёл в ночь, сжимая в кармане кусок янтаря и клеймо с мечом.

Теперь он знал: Янтарная комната не сгорела. Её вывезли. Те же люди. Тот же след.

Кёнигсберг. Роде. Свой.

ЧАСТЬ I. «ПРУССКИЙ СЛЕД»

Глава 1. «Полковничий конверт»

Время: 20 февраля 1942 года, 10:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея Ухтомского

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей сидел за столом, перебирая бумаги, которых не писал. Верхняя, чистая, лежала перед ним уже полчаса. Ручка застыла в пальцах.

Кусок янтаря с клеймом меча он спрятал в сейф. Ветров тихо сидел в подвале на Петроградской, под охраной Савельева. Грузчика без языка похоронили на Пискарьевке — безымянным, под номером.

Что дальше?

Отчёт о янтаре он написал в ночь после пожара. Шесть страниц: опись ящиков, описание панно, показания Ветрова, имя Роде. Рапорт ушёл по команде — начальнику нового управления, полковнику Ордынцеву, ставленнику Глухова.

Тишина.

Через три дня Алексей написал повторный. С тем же результатом. На пятый день его вызвал Ордынцев.

— Ухтомский, — голос начальника был ледяным, — я читал ваш рапорт. Впечатлён. Но у меня для вас плохие новости.

— Какие?

— Дело о янтаре закрыто. Янтарная комната вывезена немцами, предположительно уничтожена при бомбёжке Кёнигсбергского замка. Таково официальное заключение.

— Это ложь. Я видел ящики. Янтарь вывозили наши.

— Вы видели что-то в подвале без света, без свидетелей, под анестезией голода и холода. Ни одного доказательства.

— А кусок янтаря? — Алексей полез в карман.

Ордынцев поднял руку.

— Не надо. Если у вас есть вещдоки, сдайте их в отдел. Но я вас предупреждаю: если вы продолжите копать, вы будете отстранены от должности и отправлены на фронт. В штрафбат. Вопросы?

— Никак нет.

Алексей вышел из кабинета, сжимая кулаки.

Он не сдал янтарь. Не сдал отчёт.

Вместо этого через знакомого архивариуса он нашёл в деле 1922 года фамилию, которая всплыла снова.

Щербинин. Майор госбезопасности, в 1941 году работал в отделе эвакуации. Отвечал за вывоз ценностей из пригородных дворцов. Уволен в январе 1942-го — за пьянство и разгильдяйство. Жил на Петроградской, в коммуналке на Большом проспекте.

Алексей пришёл к нему через два дня после разговора с Ордынцевым.

Дверь открыла женщина в засаленном халате, с красными от слёз глазами.

— Вам кого?

— Майора Щербинина.

— А вы кто?

— Лейтенант Ухтомский. По делу.

Женщина посторонилась. В коридоре пахло щами — жидкими, похлёбка на воде. Комната Щербинина была в конце, за кухней.

Майор сидел за столом, пьяный вусмерть. Перед ним — пустая бутылка из-под одеколona, окурок в стакане, вонь перегара.

— Щербинин, — Алексей сел напротив. — Я по поводу янтаря.

— Какого янтаря?

— Который вы вывозили из Царского Села в сорок первом. По личному распоряжению.

Щербинин поднял мутные глаза.

— Откуда вы знаете? Глухов прислал?

— Глухов закрыл дело. Я сам. Говорите.

— А что говорить? — майор откинулся на спинку стула. — Вывезли. В Кёнигсберг. Роде принимал. Я только подписывал бумаги.

— Какие бумаги?

— Акт приёма-передачи. Там было написано: «Янтарная комната передана германской стороне под сохранную расписку». Чтобы после войны вернули.

— Вернули?

Щербинин засмеялся — хрипло, истерично.

— Какое там. Роде — немец. Он её спрятал. А Глухов... Глухов получил откат. С золотом.

В Швеции.

— Доказательства есть?

— Всё в акте. Я подписал. И Глухов подписал. И Кукольников. И Роде.

— Где акт?

Щербинин встал, шатаясь, подошёл к тумбочке. Достал конверт, протянул Алексею.

— Вот. Копия. Оригинал у Роде. Или у Глухова.

Алексей вытащил бумагу.

Пожелтевший лист, машинопись. Дата: 15 сентября 1941 года. «Акт о передаче предметов искусства из Екатерининского дворца (г. Пушкин) представителю германского командования доктору Альфреду Роде». Список: 64 панно, 8 колонн, 24 стенда. Подписи: Глухов, Кукольников, Роде.

Сургучная печать — свастика и меч.

— Меч? — Алексей показал пальцем.

— Личная печать Роде. Он ставил её на все ящики. Чтобы свои узнавали.

— Кто «свои»?

— Те, кто ворует вместе с ним.

Алексей спрятал конверт в карман.

— Вы поедете со мной. Дадите показания.

— Поздно, — Щербинин покачал головой. — Они уже знают, что я с вами говорил.

— Кто «они»?

— Узнаете.

Алексей вышел. Ему нужно было вернуться с подкреплением — взять майора, вывезти в безопасное место, допросить официально.

Он вернулся через час с Савельевым.

Дверь была открыта.

Щербинин висел на поясе от халата, привязанном к батарее. Глаза выпучены, язык синий.

— Самоубийство, — сказал Савельев, проверяя пульс.

— Не верю, — ответил Алексей.

Он обыскал комнату. Пусто. Конверт с актом исчез — тот, что он забрал, лежал у него в кармане. Копия, которую майор хранил под матрасом, — тоже пропала.

На стене, за портретом Ленина, кто-то нацарапал ножом знак.

Меч.

Алексей снял портрет, сунул в вещмешок.

— Савельев, поехали в Смольный. Я пишу рапорт.

— Бесполезно, — сказал оперативник. — Вас отстранят.

— Не в этот раз.

Они вышли.

На улице мороз сковал лицо, руки, сапоги — всё. Алексей достал конверт с актом, перечитал в машине.

Глухов. Кукольников. Роде. Свастика и меч.

Теперь у него было доказательство — не только янтарь, но и подписи, и фамилии. Он напишет рапорт в Москву, минуя Ордынцева. Пусть попробуют закрыть.

В кабинете он сел за стол, достал ручку, чистый лист.

Начал:

«Начальнику Главного управления контрразведки «Смерш» генерал-лейтенанту Абакумову. Рапорт о хищении культурных ценностей из Екатерининского дворца...»

Не успел закончить первую страницу, как дверь распахнулась.

На пороге стоял полковник Ордынцев. В руке — конверт. Тот самый, который Алексей только что спрятал в сейф.

— Ухтомский, вы арестованы.

— За что?

— За кражу государственного имущества. Янтарное панно, которое вы изъяли при пожаре, не сдано в отдел. Оно у вас в сейфе.

— Это вещдок.

— Не доказано. — Ордынцев шагнул в кабинет. — Сдайте оружие. Вы отстранены от должности до особого распоряжения.

Алексей положил наган на стол.

— А рапорт?

— Рапорта нет. Вы ничего не писали. Бумага чистая.

Ордынцев показал лист, который Алексей только что начал заполнять. Пустой. Чернила исчезли.

— Как? — прошептал Алексей.

— Магия, — усмехнулся полковник. — Или вы забыли, что мы воюем не только с немцами, но и с теми, кто правду говорит.

— Я напишу новый.

— Пишите. Но за решёткой.

Алексей поднялся. Савельев побледнел, но промолчал.

Два солдата взяли Алексея под руки и вывели в коридор.

На прощание он обернулся, посмотрел на сейф. Там лежали: кусок янтаря, акт с подписями Глухова и Роде, дневник Кедрина.

Он успел крикнуть Савельеву:

— Тайник! Часы «Павлин»!

Солдаты заломали руки, поволокли дальше.

Дверь кабинета захлопнулась.

Глава 2. «Братская могила на Пискарёвке»

Время: 15 марта 1942 года, 23:00

Место: Ленинград, Пискарёвское кладбище (строящееся), затем Петроградская сторона

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексея выпустили через десять дней.

Ни суда, ни следствия. Просто пришёл Савельев с бумагой: «В связи с отсутствием состава преступления дело прекратить. Лейтенанта Ухтомского восстановить в должности с понижением в окладе и вынесением строгого выговора».

Он не спрашивал, кто подписал. Знал — Глухов. Тот, кто хотел его запугать. Не вышло.

Алексей вернулся в кабинет. Сейф был пуст. Янтарь, акт, дневник Кедрина — исчезли.

Только часы «Павлин»? Савельев шепнул, что успел спрятать копии за часами в Эрмитаже.

— Живы, — сказал Алексей и хлопнул оперативника по плечу.

Теперь оставалось найти свидетеля.

Ветров не появлялся три недели. Алексей обошёл все его явки — коммуналку на Лиговке, сторожку в Эрмитаже, подвал, где тот прятался после убийства Кедрина. Нигде.

Оставил записку у дворника: «Пётр Иванович, выходите. Я один. Нужна помощь».

Дворник кивнул, записку взял.

Через два дня, в полночь, Алексей сидел на скамейке у строящегося Пискарёвского кладбища. Место он выбрал сам — здесь не было патрулей, не было лишних глаз. Только снег, тьма и запах свежей земли. Сотни могил — братских, безымянных. Людей хоронили штабелями, в замороженную землю, без гробов.

Ветров пришёл через полчаса. Худой, постаревший на десять лет, с клюкой и мешком за плечами.

— Товарищ лейтенант, — шепнул, оглядываясь. — Зря вы меня ищете. Они убьют и вас, и меня.

— Кто они?

— Глухов. Кто ж ещё. Его люди везде. В Смольном, в Эрмитаже, в милиции. Я уже три раза на волоске висел.

— Поэтому прячетесь на кладбище?

— Здесь спокойно, — Ветров сел на соседнюю скамейку, закашлялся. — Мёртвые не предадут.

Алексей вытащил флягу со спиртом — разбавленным, но пить можно. Ветров принял, не глядя.

— Пётр Иванович, вы знаете человека, который вёз янтарь. Беккер. Рудольф Карлович. Реставратор.

Ветров поперхнулся.

— Откуда вы про него знаете?

— Щербинин назвал перед смертью.

— Беккер жив?

— Не знаю. Мне нужен его адрес.

Ветров молчал минуту, другую. Снег падал на шапки, на плечи, на застывшие руки. Где-то за кладбищем выла сирена — налёт, но далеко, на Выборгскую сторону.

— Петроградская сторона, — наконец сказал Ветров. — Малая Невка, дом 7, квартира 12. Только вы его не найдёте.

— Почему?

— Потому что он уже мёртв.

Алексей замер.

— Вы знаете?

— Я был у него позавчера. За хлебом заходил, он меня подкармливал. Открываю дверь — а он на кухне, на полу. Лицо вниз, кровь на стене. И надпись.

— Какая надпись?

— «Меч режет язык».

Ветров всхлипнул.

— Тот же почерк, что у Гольдштейна. Я узнал. Те же люди.

— Вы в милицию заявили?

— А смысл? Милиция у Глухова в кармане. Напишут — «умер от дистрофии». И похоронят в общей могиле.

Алексей встал.

— Пошли. Покажете.

— Ночью? С ума сошли. Там Глухова люди могут быть. Ждут, когда кто-то придёт.

— Тогда проводите меня утром. А ночь я пережду здесь. — Он посмотрел на братские могилы. — С мёртвыми безопаснее.

Ветров кивнул.

Утром они пошли на Петроградскую.

Дом 7 на Малой Невке оказался старым, с облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами. Внутри пахло мочой, кислой капустой и страхом. Квартира 12 — в конце коридора, дверь приоткрыта.

— Я туда не пойду, — сказал Ветров. — Простите.

— Ждите внизу. Если через час не выйду — уходите и не оглядывайтесь.

Алексей толкнул дверь.

Внутри была тьма. Он включил фонарь — луч упёрся в пустую прихожую, старые обои, треснувшую плитку. Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, туалет. Мебель кое-какая, всё перевернуто.

Обыск. Кто-то искал документы.

Алексей прошёл на кухню.

Беккер лежал на полу, лицом вниз. Седая голова, руки скрючены, ноги поджаты. Крови было мало — замёрзла сразу. Алексей перевернул тело.

Пожилой мужчина, за шестьдесят. Худой, бледный, с седой щетиной. Рот открыт, языка нет — вырезан. Те же следы, что у Гольдштейна. Та же жестокость.

Алексей поднял фонарь выше.

На стене, над плитой, кто-то написал кровью — крупно, размашисто, будто не торопился:
«МЕЧ РЕЖЕТ ЯЗЫК»

И рядом — меч. Тот же знак, что на шее Кедрина, на фарфоровых тарелках, на янтарных ящиках.

Он обыскал квартиру.

В спальне — пустой сейф, встроенный в стену. Дверца открыта, внутри только пыль. На комод — фотография. Алексей взял её, поднёс к свету.

Беккер, молодой, в довоенной форме. Рядом — двое мужчин. Одного Алексей узнал сразу. Глухов-старший. Второй — незнакомец, с острым взглядом и немецкой фамилией, выведенной на обороте: «*Роде. Кёнигсберг. 1940*».

Вот он. Альфред Роде. Хранитель Янтарной комнаты.

Алексей спрятал фотографию в карман.

В кухне, за холодильником, нашёл маленькую тетрадь — потрёпанную, в клеёнчатой обложке. Раскрыл.

Дневник Беккера. Последние записи — карандашом, дрожащей рукой.

«10 февраля 1942. Роде прислал письмо. Требует встречи в Кёнигсберге. Не могу — блокада. Он злится. Грозит передать Глухову, что я знаю про тайник.»

«20 февраля. Ночью звонили. Сказали — «молчи, если хочешь жить». Я не говорил никому. Откуда они узнали?»

«5 марта. Они пришли. Не Глухов, его люди. Ищут акт. Тот самый, что я подписал в 1941-м. Я спрятал его в надёжном месте. Назвал его — «свидетель».»

«10 марта. Если меня убьют, ищите у...»

Запись обрывалась.

Алексей перелистнул страницу. Чисто.

У кого искать? У Роде? У Глухова? У того, кто придёт следующим?

Он вышел из квартиры. Внизу Ветров трясся на скамейке, курил махорку.

— Что там?

— Мёртв. Искали документы. Вы знали Беккера?

— Давно. Он был хорошим человеком. Помогал мне хлебом.

— Почему его убили?

— Потому что он видел, как грузили янтарь. И подписал акт. Как и я.

Ветров замолчал.

Алексей посмотрел на часы. Пора возвращаться в Смольный, писать рапорт. Бесплезно, но надо.

— Пётр Иванович, вы знаете, где тайник Беккера?

— Откуда?

— Вы сказали, он вас подкармливал. Куда ходил?

Ветров напряг память.

— В подвал. В доме на Лиговке. Там у него была мастерская. Когда-то реставрировал мебель.

— Адрес?

— Лиговский, 123. Только туда и я ходить боялся.

Алексей кивнул.

— Спасибо. Прячьтесь. Я вас найду.

Он зашагал в сторону Невы, сжимая в кармане фотографию Роде и дневник Беккера.

Меч режет язык.

Но меч не режет память.

Он найдёт тайник. Найдёт акт. Найдёт правду.

Глава 3. «Фотография в сейфе»

Время: 5 апреля 1942 года, 14:00

Место: Ленинград, Петроградская сторона, Малая Невка, дом 7, квартира 12

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей вернулся в квартиру Беккера через три недели после того, как нашёл его мёртвым.

За это время многое изменилось. Снег начал таять, по Неве пошли первые льдины. Немцы не взяли город — блокада продолжалась, но люди вздохнули чуть свободнее. Паёк подняли до двухсот пятидесяти граммов — всё ещё смертельно мало, но лучше, чем сто двадцать пять.

Алексей восстановился в должности, сдал дела, отсидел выговор. Но от дела не отстранился — работал тайно, по ночам, с Савельевым и Ветровым, который прятался в подвале на Лиговке.

В первый обыск он не нашёл сейфа. Мелькнула мысль: может, Ветров ошибся, может, тайник Беккера — в другом месте. Но чутьё подсказывало: не всё осмотрели.

В этот раз он взял с собой Савельева и плотницкий инструмент — ломик, топорик, несколько отмычек. На всякий случай — наган с полной обоймой.

— Товарищ лейтенант, — Савельев поёжился в прихожей, — вы уверены, что сейф здесь? Прошлый раз мы всё обстучали.

— Значит, не всё.

Они начали с гостиной. Стены — старые, дореволюционные, с толстой штукатуркой. Алексей простукивал каждую панель, каждое подозрительное место. Плинтусы, карнизы, даже пол — везде.

Ничего.

На кухне — то же самое. Пусто.

— Может, Ветров напутал? — спросил Савельев. — Он же пьёт.

— Ветров пьёт, но память у него цепкая. Беккер его подкармливал, водил в мастерскую. Сейф там, я уверен.

Они прошли в спальню — маленькую, с железной кроватью и тумбочкой. На стене — портрет Ленина (как везде), рядом — выцветшая репродукция «Бурлаков на Волге». В углу — старый шкаф, довоенный, красного дерева.

Алексей снял портрет Ленина.

Ничего.

Переместил «Бурлаков».

За репродукцией была ниша. Маленькая, глубиной сантиметров десять — раньше там, наверное, хранили деньги или документы. Сейчас — пусто.

— Обстучи, — сказал Алексей.

Савельев постучал костяшками.

— Глухо.

— Ещё раз. Медленно.

Савельев провёл пальцами по стене, нажимая на каждую точку.

В одном месте — у правого края ниши — пальцы провалились.

— Есть! — он нажал сильнее. Часть стены подалась назад, открывая железную дверцу, вмазанную в кирпич.

Сейф.

Алексей поддел дверцу ломиком. Замок щёлкнул, не выдержав — старый, сувальдный, без секретов.

Внутри было пусто.

Только одна фотография, приклеенная к задней стенке скотчем.

Алексей достал её, поднёс к окну.

Фотография была старой, любительской, на глянцевого бумаге. Снята, судя по всему, в помещении — на заднем плане угадывался книжный шкаф, портьеры, часть окна.

Пять человек.

Алексей взгляделся в лица, пытаясь соотнести с теми, кого знал или видел в документах.

Первый — Глухов-старший. Те же усы, тот же тяжёлый взгляд, что и на фотографии 1915 года из архива Эрмитажа. Только старше, грузнее. Полковничьи погоны старой армии, потом — без знаков различия.

Второй — Кукольников. Тот, которого расстреляли в январе 1942-го. Сергей Петрович, «хозяин» из Смольного. На фотографии он улыбался — будто и не воровал ценности, не подписывал приказы на убийства.

Третий — незнакомец в форме немецкого вермахта. Капитан? Майор? Алексей не разбирался в знаках различия германской армии. Но лицо запомнил — острые скулы, светлые волосы, холодные глаза. Палец левой руки — в кольце с печаткой. На печатке — орёл? Или меч?

Четвёртый — ещё один неизвестный. В форме СС, чёрной, с нашивками, которых Алексей не знал. Молодой, лет тридцати, с усиками и гладко зачёсанными волосами. На груди — Железный крест? Или другая награда.

Пятый — Беккер. Сам хозяин квартиры, теперь мёртвый. На фотографии он стоял с краю, согнувшись, будто пытался спрятаться за спинами других. Выражение лица — испуганное, заискивающее.

Алексей перевернул фотографию.

На обороте — надпись чернилами, каллиграфическим почерком, на немецком:

«Königsberg, 15. August 1941. Der Preis des Vertrages ist Bernstein»

Ниже — подпись, неразборчивая, и дата, продублированная по-русски: *«15 августа 1941. Цена договора — янтарь»*.

— Что там? — спросил Савельев, заглядывая через плечо.

— Договор. В прямом смысле. — Алексей ткнул пальцем в лица. — Глухов, Кукольников, Беккер, двое немцев. Один — вермахт. Второй — СС.

— Кто они?

— Не знаю. Но Роде среди них нет. Хранителя янтарной комнаты здесь не видно.

— Может, тот, в вермахте, и есть Роде?

— Не похож. На другой фотографии — у меня есть, от Щербинина — Роде был старше, сутулее, в очках. Этот — молодой, подтянутый. Другой.

Алексей спрятал фотографию в нагрудный карман — туда же, где лежал кусок янтаря (тот, который он успел спрятать перед арестом, копию, не оригинал).

— Обыщите квартиру ещё раз, — сказал он Савельеву. — Шкафы, полы, потолки. Может, есть ещё тайники.

— А вы?

— Я — к Ветрову. Спрошу, не знает ли он немца в форме СС.

Он вышел на лестницу.

На площадке второго этажа стоял молодой парень в ватнике — сосед, наверное — и курил махорку, глядя в окно.

— Вы к кому? — спросил Алексей, доставая удостоверение.

— Я здесь живу, — парень испуганно отступил. — Сосед Беккера. А его убили, говорят.

— Вы что-нибудь видели? Слышали?

— Нет, товарищ лейтенант. Я в тот день в очереди стоял, за хлебом. Вернулся — а он мёртвый.

— Кто приходил к нему в последнее время?

Парень задумался.

— Немец. Недели три назад. В форме без знаков, но я сразу понял — немец. Говорил по-русски, но с акцентом.

— Высокий, худой, в очках?

— Нет. Среднего роста, плотный, с родинкой на щеке. И с ним — двое наших. В штатском.

— Не Глухов?

— Не знаю. Но они пробыли час, потом вышли с чемоданом.

— Что было в чемодане, не видели?

— Я не смотрел. Боялся.

Алексей поблагодарил, спустился во двор.

Немец с родинкой. Не Роде.

Значит, Глухов прислал своих, чтобы замести следы. Или сам Роде? Или кто-то третий? Тот, в форме СС с фотографии.

Вопросов становилось больше. Ответов — ноль.

Он зашагал к Лиговке, к Ветрову.

В кармане лежала фотография пяти человек, подпись на немецком и дата — 15 августа 1941 года.

За месяц до того, как янтарные панно вывезли из Царского Села.

Цена договора — янтарь.

Глава 4. «Поезд на восток»

Время: май 1942 – апрель 1945

Место: Ленинград – Волховский фронт – Москва

Блокада / фронт | Алексей Ухтомский

Май 1942. Ленинград.

Алексей получил предписание через три дня после того, как нашёл фотографию в сейфе Беккера.

«Лейтенант Ухтомский. В связи с тяжёлой обстановкой на фронте и нехваткой офицерского состава направить вас в распоряжение командующего 54-й армией. Прибыть в штаб 15 мая 1942 года».

Подпись — Ордынцев.

Не отстранение. Не трибунал. Отправка на фронт. Туда, где шансов выжить — ноль.

Алексей смотрел на бумагу и понимал: Глухов решил избавиться от него чужими руками.

Немцы убьют — никто не спросит.

Савельев стоял рядом, хмурый.

— Может, отказаться? Сказаться больным?

— Не примут. Скажут — симулянт. Расстрел.

— А документы? Фотография? Янтарь?

— Спрячь. В тайник за часами «Павлин». Если не вернусь — передашь моей семье.

Савельев кивнул. У него тряслись руки — не от страха, от голода.

— Товарищ лейтенант, вы вернётесь.

— Посмотрим.

Алексей переоделся в полевую форму, сдал в архив все дела, которые вёл. На прощание зашёл к Ветрову — тот прятался в подвале на Лиговке, пил самогон и молился.

— Пётр Иванович, я уезжаю.

— Куда?

— На фронт.

— Глухов?

— Он.

— Не вернётесь.

— Вернусь. Следите за тайником. Если что — скажете моей внучке. Через много лет.

Ветров перекрестился, но не по-православному, а как-то странно, будто отгонял злых духов.

Алексей вышел.

На Неве таял лёд. По Дороге жизни шли машины с хлебом.

Он смотрел на них и думал об одном: выжить. Чтобы вернуться. Чтобы закончить дело.

1942–1944. Волховский фронт.

54-я армия стояла под Мгой. Немцы окопались на Синявинских высотах — трёх километрах болот и лесов, которые стали мясорубкой.

Алексей попал в разведроту. Воевал как все — ходил в тыл к немцам, брал языков, терял товарищей. Дважды был ранен — легко, осколками. Один раз — тяжело, пуля в плечо. Лежал в госпитале месяц, потом снова в строй.

Его повысили до старшего лейтенанта, дали роту.

Он никому не рассказывал о прошлом — о янтаре, о Глухове, о клейме меча. Это было в другой жизни. В этой — только война, грязь, кровь и бесконечные атаки на укрепления, которые не взять.

Глухов не забывал о нём. Периодически приходили странные приказы: отправить Ухтомского на самое опасное направление, в разведку боем, на верную смерть.

Алексей выживал.

— Тебя Бог любит, — говорил комбат, старый кадровый офицер.

— Меня ненавидит один полковник. Это разные вещи.

В конце 1943 года, после прорыва блокады, его часть отвели в тыл на переформирование. Алексей поехал в Ленинград — на три дня.

Города он не узнал.

Смольный стоял, как и прежде. Эрмитаж — заколоченный, но живой. Но людей было меньше. Каждый второй — в чёрном, по ком-то.

Он зашёл к Савельеву. Тот работал в особом отделе, выглядел уставшим, но живым.

— Живы, товарищ лейтенант.

— Документы?

— В тайнике. Часы «Павлин» целы. Их законсервировали перед эвакуацией.

— А Глухов?

— В Москве. Генерал теперь.

— А Ветров?

— Ветров умер. В сорок втором, зимой. Замёрз в подвале.

Алексей помолчал.

— Сфотографируйте документы. Перешлите мне в часть. А оригиналы оставьте в тайнике. Когда-нибудь они понадобятся.

Он вернулся на фронт.

1944–1945. Наступление.

54-я армия освобождала Прибалтику. Алексей прошёл через Псков, Тарту, Ригу. Воевал хорошо — говорят, не хуже других. Получил орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

В декабре 1944 года его вызвали в штаб армии.

— Ухтомский, собирайте вещи. Вас отзывают в Москву.

— Зачем?

— Не знаю. Пришла бумага из Главного управления тыла. Рекомендация для работы в Трофейной комиссии.

Алексей похолодел.

Трофейная комиссия — сбор, учёт и вывоз культурных ценностей с территории Германии. Та самая структура, куда Глухов хотел его засунуть, чтобы держать под контролем.

— Я что, согласия не даю?

— Вы даёте. Приказ подписан маршалом Жуковым.

Алексей сел в поезд на Москву.

Всю дорогу он смотрел в окно, на разбитые станции, сожжённые леса, поля, где ещё торчали остовы немецких танков.

Он понимал: Глухов отправляет его в Кёнигсберг специально. Чтобы он не копал в Ленинграде. Чтобы он нашёл то, что «положено» найти. Или не нашёл ничего.

Но Алексей решил иначе.

Он ехал в Кёнигсберг, чтобы продолжать. Чтобы найти следы янтаря. Чтобы наконец встретиться с Роде — живым или мёртвым.

В кармане гимнастёрки лежала фотография пяти человек.

«Königsberg. 15. August 1941. Der Preis des Vertrages ist Bernstein».

Цена договора — янтарь.

Он найдёт этот янтарь. Или умрёт.

Апрель 1945. Москва.

В Москве его встретил новый начальник — полковник Бережной, пожилой, спокойный, с виду интеллигентный.

— Ухтомский? Читал ваше дело. Зачем генерал Глухов так вас невзлюбил?

— Я ему мешал.

— Чем?

— Искал правду. — Алексей положил на стол копию акта о передаче ящиков Роде. —

Вот. Посмотрите.

Бережной прочитал, поднял глаза.

— Это серьёзно.

— Это только начало.

— Продолжайте искать. В Кёнигсберге. Но будьте осторожны. Глухов — не последний человек в Москве.

— Я знаю.

— Вам дадут документы на имя капитана. Поедете 25 апреля. Группа захвата? — спросил Алексей.

— Один. Как вы просили.

— Спасибо.

Алексей вышел на улицу. Светило солнце, пахло весной. Война кончалась.

Он смотрел на Кремль, на красные звёзды, на толпы военных и гражданских.

Скоро конец.

И начало.

Кёнигсберг ждал.

Глава 5. «Кёнигсберг, а

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.